

9. Pak A., Majd F. 2011 Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // Ocean and Coastal Management 54 - pp. 129–136.
10. Сальников С. С. Экономическая география океана – новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л.: Наука. 1984. С. 231–242.
11. Дергачёв В. А. Основы экономического районирования Мирового океана. Киев. 1980. 110 с.
12. Покшишевский В. В. География расселения на берегах Мирового океана. Л., 1979. 342 с.
13. Дружинин А. Г. Экономический потенциал приморской зоны: понятийно-категориальные основы концепции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 4. С. 54–60.
14. Гогоберидзе Г. Г. Понятие и сущность морехозяйственного потенциала прибрежных зон и приморских территорий // Проблемы современной экономики. 2008. № 2. С. 266–270.
15. Власти рассказали о причинах спада в экономическом развитии Севастополя // Федералпресс. 26.02.2015. [Электронный ресурс] <http://fedpress.ru/news/econom/industry/1424949072-vlasti-rasskazali-o-prichinakh-spada-v-ekonomicheskom-razviti-sevastopolya> (Дата доступа - 15.11.2015).
16. Дружинин А. Г. Юг России: интеграционные приоритеты в пространстве Большого Причерноморья // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. С. 23–30.

Айдын Ибрагимов¹

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ В ТУРЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ²

Введение. Начиная с конца 19 века и практически до первого десятилетия 21 века во внешнеполитической парадигме Турции доминировала прозападная ориентация. Основная причина подобной ситуации, особенно в республиканский период, связана, главным образом, с идеологическим постулатом государства, ориентированного на европейский тренд модернизации страны, который в 20-х годах прошлого столетия был имплантирован в феодальный организм Турецкой республики отцом – основателем государства Мустафой Кемалем (Ататюрком).

В результате длительного этапа прозападного развития Турция добилась больших социально-экономических и политических подвижек (особенно как

¹ Ибрагимов Айдын, доктор географических наук, профессор Эгейского университета, Измир, Турция.

² Исследование выполнено в рамках Гранта РГНФ 15-07-00016 «Российско-турецкое взаимодействие в евразийском геополитическом и геоэкономическом контексте и его проекция на социально-экономическое развитие регионов Юга России».

светское исламское государство) и стала одной из ведущих держав в регионе. К концу 20 века Турецкая республика сумела войти в группу наиболее развитых стран мира (G 20) и модель ее развития стала примером для многих развивающихся стран. При этом, европейская ориентация Турции всегда создавала определенные сложности в процессе ее странового поведения в геополитическом, геоэкономическом и геокультурном отношениях. Турецкий социум, вернее его большинство, так и не смогло преодолеть свое тюркско-исламское начало, особенно в ментальной плоскости. В стране перманентно идет борьба противоположностей.

С одной стороны, это тезисы Ататюрка о необходимости стремиться достичь уровня развитых наций, а с другой стороны – это боязнь потери традиционных ценностей, накопленных за тысячелетия. Многолетнее давление на исламскую составляющую турецкого общества (начиная с перехода на многопартийную систему в конце 50-х годов) стало давать трещину в турецком плавильном котле, результатом которого явилось постепенное выдвижение на передние позиции происламских сил и сужение поля действия светских государственных институтов. Подобное привело, в итоге, к отходу от односторонней проатлантической ориентации, что явилось важным фактором в формировании евразийского тренда турецкой внешней политики.

Второй важный фактор – это национальная идентичность турецкого народа, постулат «одна страна – один народ, один флаг», по истечению времени дает трещину, особенно в звене *один народ*, ввиду роста национального самосознания курдского этнического меньшинства, автохтонным пространством которого является Восточной Анатолии.

Третье явление – снижение роли вооруженных сил в общественной жизни страны. Надо отметить, что сам характер поведения вооруженных сил в Турецкой республике (создание государства и формирование политической системы, активное участие в социально-экономической жизни и т.д.) делает эту страну по своей природе «средневосточной». Только за последние более чем 50 лет в Турции произошло три военных переворота (1960, 1971 и 1980 гг.), а в 1997 году военные вынудили правительство уйти в отставку и инициировали принятие целого ряда законов по еще большей секуляризации страны [1].

Перелом произошел в начале 2000 годов, когда пришедшие к власти т.н. исламисты-демократы (позиционирующие себя как некий аналог христианских демократов в Германии - А.И.) стали постепенно отстранять армию от процессов принятия политических решений.

Все перечисленные трансформации обусловлены целым рядом факторов, среди которых значительную роль играет и уникальное географическое положение Турции, в геополитическом и геокультурном отношении представляющая собой Восток на Западе и Запад на Востоке. Стыковое положение между развитыми пространствами Европы и отсталыми в формационном от-

ношении территориями Среднего Востока создает некий конгломерат внешне-неполитических интересов, порой противоречащих друг другу.

Наиболее рельефно подобная картина стала вырисовываться с начала 90-х годов прошлого столетия, когда изменилась геополитическая картина мира и Турция перестала быть *чисто европейской державой* и почувствовала себя частью **Евразии**. Безусловно, первоначально это было обусловлено выходом на арену стран тюркского мира (ряда республик бывшего СССР), повышением статуса страны в Каспийско-Черноморском регионе, активным вовлечением Турецкой Республики в экономические и политические процессы евразийского материка.

Можно говорить о некоем геополитическом дуализме, поскольку путь Турции в «евразийское пространство» лежал через сложившееся в этой стране мышление, что распад СССР позволит ей воссоединиться со своими кровными братьями, долгое время оторванными от нее. Однако довольно тесные связи тюркских республик бывшего СССР с Российской Федерацией, в итоге, как бы вынудили Турцию перейти от пантюркистской составляющей к евразийской.

1. История развития идей евразийства в Турции.

Основой развития евразийства в Турции послужили идеи пантюркизма и туранизма. Еще в первые годы республиканской Турции в трудах таких известных идеологов вышеперечисленных учений как Юсуф Акчура, Нихал Атсыз, Реха Огуз Тюркан и целого ряда других общетюркских мыслителей начали развиваться идеи туранизма, составляющие основу турецкого национализма [2].

Значительный вклад в развитие идей пантюркизма в Турции внесли и крупные мыслители из России, такие, как крымско-татарский философ Исмаил Гаспринский [3] и башкирский востоковед - тюрколог Ахмет Заки Валидов [4]. Именно первая мировая война и последующие события, приведшие в развал Османской Империи и образованию республиканской Турции, послужили основой для формирования турецкого евразийства, которое довольно долго протекало в форме пантюркизма и туранизма [5].

Однако, как и в Советском Союзе, так и Турецкой Республике государственная идеология препятствовала тенденциям, приводящим к обострению межнациональных отношений внутри страны, видя в этом особую угрозу национальной безопасности и территориальной целостности государства. Но если в СССР это сопровождалось тотальным внедрением социалистической идеологии, красной линией которой было равенство всех национальных групп, то в Турецкой Республике пошла несколько иным путем.

В противоположность Советскому Союзу, где во главу угла был поставлен интернационализм, в Турции стал реализовываться тезис о *едином народе*, в основе которого находились такие понятия как равноправие, социальная общность, единая история, география и культура. Национализм определялся как гордость за достигнутые успехи в развитии государства. В научной литературе

его интерпретировали как национализм Ататюрка, отвергающий такие понятия как шовинизм, религиозную и этническую исключительность [6].

Дабы совсем провести черту, отделяющую политику турецкого государства по формированию новой национальной общности от апологетов пантюркизма, по предложению Ататюрка (с целью строительства нации-государства) в оборот было введено понятие турецкий народ (*улус* – монгольское слово, означающее «страна», «государство» [7]). Подобным способом апологеты молодой Турецкой Республики пытались консолидировать турецкое общество, свести к минимуму межэтнические противоречия. Однако, как показала практика, данный подход (особенно в контексте курдского национального меньшинства) оказался недостаточно действенным.

Турецкое евразийство, как отмечалось выше, опиралось на турецкий национализм, который, в свою очередь, пытался строить свою конструкцию на пропаганде центрально-азиатского прошлого турок. При этом следует отметить, что кемалистская идеология также всячески подчеркивала значимость общетюркского фактора в деле формирования турецкой нации. Единство с народами Центральной Азии и Кавказа было одним из краеугольных камней турецкой национальной идеологии. К примеру, Мустафа Кемаль Ататюрк еще в 1933 году говорил: *Сегодня Советский Союз наш сосед и друг, Мы нуждаемся в этой дружбе. Но что произойдет завтра, никто сегодня предсказать не может. Как и Османская Империя, как и Австро-Венгрия, это государство (СССР - А.П.) может развалиться или сократиться в размерах. Сегодня собранные в единый кулак народы могут разбежаться. В мире может сложиться совсем другой баланс сил. В возникшей ситуации Турция должна знать, что делать. У нашего друга СССР сегодня находятся исповедующие с нами одну религию, говорящие на одном с нами языке, такие же как мы народы. Мы должны быть готовы к их поддержке. Быть готовым, это не значит, что нам надо сидеть и ждать этого дня. Надо себя подготавливать к этому событию. Как это делается? Надо создавать нравственные мосты контактов. Язык – это первый мост, история – второй. Подобное мышление должно у нас укорениться, и мы должны с ними воссоединиться. Мы не можем ждать, когда они приблизятся к нам, мы сами должны двигаться по направлению к ним [8].*

Вторым важным направлением того периода являлась антиимпериалистическая направленность кемалистской Турции. По мнению турецких исследователей (Gün Zileli, Attila İlhan, Ercan Karakoç и др.), создание в 1923 году Турецкой Республики стало примером для всех поработанных народов, особенно в плане строительства современного государства западного образца. Считалось, что движение за независимость во многих афро-азиатских странах сформировалось под влиянием идей Ататюрка; именно в этом факторе им и видится евразийский вектор Турецкой Республики.

Следует отметить, что евразийская стратегия того периода строилась по двум направлениям: это вышеотмеченные тюркоязычные пространства, сопредельные с ними территории Ирана, Афганистана, а также Пакистан [9].

Интересная деталь, Турция того периода практически не общалась со своими *бывшими территориями* на Балканах и Ближнем Востоке. Больше внимание уделялось странам и регионам, указанным выше, СССР и государствам Запада. Подобное поведение значительно отличалось от практики новой России, которая основные свои усилия направила на интеграцию с республиками бывшего СССР.

Евразийская политика того периода сопровождалась заключением целого ряда соглашений и политических акций. Так, к примеру, в марте 1921 года в Москве был заключен союзный протокол с Афганистаном, который кроме всего прочего предполагал признание Афганистаном независимости Бухары и Хивы. В тот же год был подписан договор и с Советской Россией. Это был первый договор правительства Анкары с крупным государством. Таким образом, была подчеркнута важность сближения Турции и Советской Россией; обе страны в тот период не пользовались особой поддержкой Запада и дабы выстоять – вынуждены были идти на сотрудничество. Причём, Советская Россия по этому соглашению признавала границы Турции, определенные новым правительством Анкары (а не Севрским договором), с другой – Анкара отказывалась от права владеть Батумом (данного Брест-Литовским соглашением от 1918 года) и передавала его Советской Грузии. При этом два государства признавали независимость друг друга и выражали уважение к политическим системам одобренных народами двух стран [10].

Проявляемый Турцией плюрализм во внешнеполитическом поведении был обусловлен сильным воздействием идей Пантюркизма и Туранизма на общественно политическую жизнь страны, особенно в первые годы республики. Об этом уже говорилось выше. Причина крылась в том, что Ататюрк и его соратники пытались сформировать новые турецкие границы по линиям проживания турок в приграничных районах Юго-Восточной Анатолии (нынешние территории Ирака и Сирии – Киркук, Мосул, Алеппо), Восточной Фракии (нынешняя Болгария - Западная Фракия) и Западного Причерноморья (нынешняя Грузия - район Батуми), объявив это национальной идеей. В дальнейшем темы Болгарии и Грузии были закрыты, а границы с Ираком и Сирией до сегодняшнего дня в ментальном отношении являются временными.

Таким образом можно заключить, что «тюркский фактор» являлся основным элементом турецкого евразийства. Даже был создан термин *внешние тюрки* (тюрки, проживающие вне границ Анатолии).

Хотелось бы сделать маленькую ремарку: национальная концепция Турецкой Республики включает в понятие «**турецкая нация**», все тюркоязычные народы Евразии от якутов в северо-восточной Сибири до гагаузов в Молдавии [11].

Для более глубокой интеграции тюркоязычных народов были сформированы различные государственно-общественные структуры типа Обществ тюркского языка и тюркской истории. Во многих центральных университетах

(Анкара, Стамбул, Измир, Эрзурум и др.) были созданы институты тюркологии для координации исследований по тюркским народам и сообществам. В Анкарском университете появился факультет с довольно интересным названием – *факультет Языка, Истории и Географии*, имеющий в своем ведении подразделения для подготовки кадров, специализирующихся по *внешним тюркам*.

Тем не менее, подобная политика не сопровождалась антисоветской риторикой, и лидеры турецкого государства вплоть до начала 50-х годов вели довольно сбалансированную политику, где учитывались государственные интересы страны и стремления по единению с остальным тюркским миром.

2. Турецкое евразийство: противоречия и практика.

Начиная с 1991 года, турецкое евразийство от своих теоретических изысканий перешло в практическую плоскость. Распад СССР привел к значительному статусному росту Турецкой Республики: из игрока местного уровня, она превратилась в государство регионального значения. При этом, как и в 20-е годы прошлого столетия, она, спустя 70 лет, успешно сочетала, как уже отмечалось выше, свои этнические интересы с общестрановыми.

Однако следует отметить, что Турция (в отличие от развитых европейских демократий) представляет собой страну с довольно антагонистической системой противостояния различных идеологических воззрений. Образно говоря, мы можем вести речь о нескольких политических альтернативах в рамках одной страны. Это – своего рода островок Среднего Востока в большом Европейском океане. Недостаточное развитие культуры компромисса делает порой политических игроков абсолютно враждебными друг другу практически во всем спектре их подходов как по вопросам внутренней, так и внешней политики. Вышеизложенное имеет прямое отношение и к евразийской тематике; здесь можно говорить о трех основных трендах: консервативный (исламский) подход, традиционный (туранистский) и левый (социалистический)[12].

Консервативный срез формировался под сильнейшим влиянием глобальных проатлантических сил еще начиная с 50-х годов прошлого столетия и принял конструктивный характер в начале 90-х годов XX века. Именно в тот период США начали видеть в Турции некую *модельную* державу для Среднего Востока и тюркоязычных народов бывшего СССР. Евразийская суть консерватизма, по мнению турецких исследователей, заключалась в мягком идеологическом и культурном проникновении на пространство бывшего Советского Союза (создание учебных заведений и медиаструктур, культурное сотрудничество на платформе тюрко-исламского синтеза). Стратегической целью такой модели поведения являлось создание регионального противовеса России и укрепление сотрудничества с новыми тюркскими государствами[13].

Традиционный взгляд на евразийские процессы во главу угла ставит категорию общетюркского единения. Как правило, в основе данного подхода лежит сопереживание за своих кровных братьев, которые уже несколько столетий живут в отрыве от Анатолии. Можно говорить о современной модели панту-

ранизма, которая не предусматривает создание единого государства, а больше концентрируется на солидарности тюркских народов и формировании у них общетюркского мышления. Однако существуют определенные субъективные и объективные факторы, которые не позволяют традиционалистам в полной степени осуществить свои идеологические догмы на практике.

Во первых, не восприятие тюркоязычных сообществ в качестве сложившихся наций (об этом говорилось выше), что создает определенные сложности как в межличностном общении, так и на общественно-государственном уровне; во вторых, – абсолютно негативная оценка советского прошлого народов Центральной Азии и Кавказа, часто проявляющаяся в менторском отношении к ним; в третьих, идеализация раннего прошлого тюркских народов, приводящая к субъективным историческим и геополитическим оценкам; в четвертых, – отрицание эволюционного подхода в геополитическом поведении государств, вызывающего формирование образа постоянного внешнего врага на просторах Евразии, в лице Ирана, Китая и России.

Левый взгляд на Евразию, оперируя понятийным аппаратом Ататюрка, демонстрирует марксистский, антиимпериалистический тренд. В основе этого подхода лежит тезис о повышении значимости Турецкой Республики в Евразии путем сохранения идеологических основ этой страны, определенных Муштафой Кемалем Ататюрком, главным из которых является ее антиимпериалистичность и мирное сосуществование с окружающим пространством (одним из основных тезисов Ататюрка был **мир во всем мире, мир в доме**)[14].

Народники, так называют в Турции сторонников левой национальной идеи, несмотря на различные разногласия, выступают за создание сильного союза государств в Евразии в лице России, Китая, Ирана и Турции, который позволит отказаться от однополярного мира и положит конец гегемонии США и их союзников [15].

Говоря о практической евразийской политике, следует отметить, что активно эта тема стала разрабатываться после прихода к власти Партии Справедливости и Развития (ПСР) в ноябре 2002 года. Главная причина заключалась в том, что в период с 1991 по 1999 год в стране произошли значительные изменения: из игрока средней руки в регионе страна оказалась одной из ведущих сил. Как отмечалось выше, это было обусловлено распадом СССР и образованием независимых тюркских государств, вливших *свежую струю* в моральный дух турецкой нации. Помимо этого, значительно изменились и отношения между Россией и Турцией: прежние системные ограничения исчезли и два государства стали более полно использовать свой экономический и стратегический потенциал.

Тем не менее, в евразийском аспекте поворотным следует считать 2002 год. Впервые за многие десятилетия в стране установился однопартийный режим политической силы, пользующейся доверием большей части населения

страны; и Турция стала проводить новую внешнюю политику, не оглядываясь назад.

Идеологом данного внешнеполитического крена являлся нынешний премьер-министр Турции Ахмед Давутоглу, бывшей в период прихода к власти ПСР научным консультантом по внешней политике нынешнего президента Турции Реджепа Тайыпа Эрдогана (премьер-министр Турции в период с 2002 по 2014 год) и ставший в 2009 году министром иностранных дел Турецкой Республики, а в 2014 году - главой правительства.

Начиная с 2002 года, впервые после образования Турецкой Республики, правительство этой страны перестало быть неким техническим элементом в деле продолжения стратегического курса в рамках основ, заложенных Ататюрком, а начала активно реализовывать новую модель внешней политики, основой которой являлся тезис *нулевых проблем с соседями*.

Турция стала позиционировать себя в качестве некоего моста между Европой и Средним Востоком, между Европой и Центральной Азией и, дополнительно к этому, взялась за реализацию амбициозного проекта – , стать моделью развития для всего Мусульманского мира [16].

В связи с тем, что данная внешнеполитическая ориентация коренным образом отличалась от трендов прошлого, часто ее стали называть *Нео-Османизмом*, по аналогии с резкой сменой ориентации поздних Османов от Востока к Европе; только сейчас все было наоборот.

В этом проекте основная роль принадлежала Ахмеду Давутоглу, который, опираясь на две свои ключевые работы «Трансформация Цивилизаций и Исламский мир» (1994) и «Стратегическая Глубина: международное положение Турции» (2001), начал перестраивать всю внешнюю политику страны. В основе всего лежал тезис о кризисе христианской цивилизации и растущем авторитете исламской, которая своей цивилизационной активностью решит многие проблемы, стоящие перед современным человечеством [17].

В контексте вышеизложенного, начиная с 2002 года, Турция стала проводить политику добрососедства со своими приграничными государствами, опираясь на свое геополитическое своеобразие и культурное наследие, ставя целью стать центральной страной в регионе [18]. Считалось, что подобным образом Турция способна создать зону стабильности вокруг себя и (вступив в диалог с соседними и союзными странами) сконструировать интегрированную экономическую систему государств, что приведет к снижению фактора негативного воздействия этнических и религиозных различий на долговременное сотрудничество стран как региона, так и всего Евразийского пространства.

Однако, как показала практика, процессы, происходящие в соседних с Турцией странах (Ирак, Сирия), не только негативно отразились на взаимоотношениях между странами и создали вселенный катаклизм, но и переросли во внутритурецкую проблему, серьезно расколов турецкое общество.

Заключение.

Можно прийти к выводу, что Евразийская политика Турции, пройдя значительную эволюцию, все более становится прагматичной. От радикальной переориентации на Восток страна понесла значительные стратегические потери и все более осознает важность поиска партнеров, позволяющих ей наиболее широко реализовать свой страновой потенциал. Основной проблемой в этом отношении является значительный разброс во взглядах на внешнеполитическое поведение страны среди различных политических сил. Практически не находит поддержки политика сближения Турции со странами арабского Востока. Исламская составляющая внешней политики страны, хотя и пользуется доверием среди определенной части общества, оказывает негативное влияние на внутригосударственную стабильность. В данном контексте российско-турецкие отношения (при всей их противоречивости) выглядят довольно перспективными и могут служить тем целям, которые ставит перед собой Турция, т.е. укреплению ее геополитического и геоэкономического статуса.

Литература

1. URL: <http://www.tsk.mil.tr/bashalk/basac/2007/a08.htm>.
2. Necati Gültepe. Turancılık Tarihinin Kaynakları, İstanbul, Turan Yayıncılık, 1999.
3. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881.
4. A. Zeki Velidi Togan Umumi türk tarihine giriş. s. 323, İSMAİL AKGÜN MATBAASI, İstanbul, 1946.
5. Fatih Akgül, Rusya ve Türkiye’de Avrasyacılık, İstanbul, IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2009, s. 161.
6. Hamza Eroğlu, Türk İnkılap Tarihi, Ankara, Savaş Yayınları, 1990, s. 391–392.
7. URL: <http://www.etimolojiturkce.com/kelime/ulus>.
8. Anıl Çeçen, Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126.
9. Üç Tarz-ı Siyaset. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yay. 1987, s. 87.
10. URL: <http://ua.mfa.gov.tr/>.
11. Müzaffer Özdağ, Türkiye ve Türk Dünyası Jeopolitiği, Ankara.
12. Elif Hatun Kılıçbeyli, 21 Yüzyılda Avrasya ve Avrasyacılık: Rusya: Çin, İran ve Türkiye’nin Jeopolitik Yaklaşımları // Jeopolitik Dergisi, Bahar 2003, Sayı 6, s. 90.
13. Mehmet Aça, Avrasya Yaklaşımının Türkiye Çeşitlenmeleri ve Türk Dünyası Geleceği // Bağımsızlığın Onuncu Yılında Türk Cumhuriyetleri, Harlem, Sota Yayınları, 2002, s. 170.
14. Atatürk’ün bütün eserleri, c. 11, Kaynak Yayınları, Aralık 2003, s. 158.

15. Алесандр Дугин, Евразийская стратегия Турции (на тур. языке), // Teori, Aralık 2004, s. 44 <http://Özgür Tüfekçi, Türk Dış Politikasında Avrasyacılık Söylemi>.
16. Davutoğlu Ekolü /www.academia.edu/Documents/in/Türk_dış_politikası, p. 171.
17. Ahmet Davutoğlu, Medeniyetlerin Ben – idraki, Divan, İlmi Araştırmalar, cilt 1, sayı 3, 1997, s. 1–53.
18. B. Aras, Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy, SETA Policy Brief, No. 32, May 2009.

А. И. Краснов, И. И. Сухарников¹

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Псковская область является одним из самых депрессивных субъектов Северо-Западного федерального округа: в переходный период 1990-х она пережила сильнейший экономический спад, последствия которого ощущаются до сих пор. Так валовой региональный продукт на душу населения Псковской области в 2013 году составил всего 152,9 тысяч рублей, что в два раза ниже среднероссийского (316,6 тысяч рублей) и обеспечивает ей последнее место среди регионов Северо-Запада [1]. Однако неверным будет говорить о низком уровне экономического развития на всей территории Псковской области: так или иначе здесь существуют как свои «полюса роста», так и депрессивные территории. Именно изучению пространственных неоднородностей развития экономики Псковской области посвящена данная статья.

Вначале стоит кратко охарактеризовать основные факторы, в той или иной степени влияющие на различия в уровне экономического развития муниципальных районов Псковской области. Во-первых, это *природно-климатические факторы*. Если с точки зрения полезных ископаемых и климата территория в целом слабо дифференцирована, то по природно-рекреационному потенциалу выделяются Пушкиногорский, Гдовский и Себежский районы с созданными на их территориях особо охраняемыми природными зонами. Также на территории области существуют небольшие различия в почвенном покрове и рельефе, так или иначе влияющие на характер сельскохозяйственного использования территории.

Во-вторых, *транспортно-инфраструктурный фактор*. Псковская область обладает развитой транспортной инфраструктурой: через территорию области проходят 3 автомобильные трассы федерального значения, а также 3 железно-

¹ **Краснов Антон Иванович**, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета; **Сухарников Игорь Игоревич**, студент 4 курса кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета.